

Г. Н. Кенжебалина
Павлодар, Казахстан

G. N. Kenzhebalina
Pavlodar, Kazakhstan

**КОДЫ КУЛЬТУРЫ
В ДИСКУРСЕ СМИ КАЗАХСТАНА**

**CULTURAL CODES IN KAZACHSTANS'
MASS-MEDIA DISCOURSE**

Аннотация. На материале русскоязычного дискурса СМИ Казахстана рассматривается проблема культурного кодирования. Роль культурных кодов в дискурсе СМИ велика, поскольку на их базе создается образ страны и ее жителей. Культурные коды активируют другие задействованные в тексте коды. Совокупность культурных кодов в тексте способствует более яркой передаче концептуальной информации.

Abstract. The article highlights the problem of cultural coding in mass-media discourse. The role of cultural codes is quite significant as they form the basis for the coding features of the country and the inhabitants. The cultural codes activate the other codes within the text. The sum of codes helps to render the conceptual information.

Ключевые слова: дискурс СМИ; культурный код; коды культуры; концептуальная метафора.

Key words: mass-media discourse; cultural codes; code of culture; conceptual metaphor.

Сведения об авторе: Кенжебалина Гульмира Негматовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской филологии, руководитель медиа-центра, председатель Павлодарского регионального отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов.

About the author: Kenzhebalina Gulmira Negmatovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Russian Philology, Head of Media-Centre.

Место работы: Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова.

Place of employment: Pavlodar State University.

Контактная информация: 140008, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 64.
e-mail: gulmira_negmatovna69@mail.ru.

В современных лингвокультурологических исследованиях активно разрабатывается тема культурного кодирования — таксономии, прочтения и интерпретации культурных кодов. Эта проблематика представляет немалый интерес для политической лингвистики. Лингвокультурный бинарный код был впервые исследован на материале доисторических обществ, в которых любое природное или социальное явление идентифицировалось как Священное или Мирское [Eliade 1979]. Устойчивость и целостность мифопоэтической картины мира обеспечивается строгой системой бинарных оппозиций: Священное vs. Мирское, Центр vs. Периферия, Верх vs. Низ, Свой vs. Чужой, Чет vs. Не чет и т. д. [Гуревич 1972; Топорова 1994].

Дадим определения основным терминам. Под кодом подразумевается система знаков, которая устанавливает как репертуар противопоставленных друг другу символов, так и соответствие между означающим и означаемым [Эко 2004: 47, 57]. Код упорядочивает и ограничивает комбинационные возможности задействованных элементов [Там же: 56]. Сам код также характеризуется определенной энтропией [Там же: 59], что естественным образом приводит к неоднозначности его прочтения. В целом код можно уподобить механизму порождения, модели, которая является «результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [Там же: 83].

Цель данной статьи — раскрыть систему культурных кодов, заложенных в тексте современного дискурса СМИ. Система взаимодействующих внутри одного текстового целого культурных кодов позволяет создавать целостный образ страны и ее жителей через концептуальную метафору. Материалом исследования служит русскоязычный дискурс СМИ Казахстана. Объект исследования составляют вербальные знаки, отсылающие к различным культурным кодам, предмет исследования — культурная кодификация информации в рамках современного дискурса СМИ.

Язык — средство общения между членами общества — отражает актуальные аспекты данной культуры. Структура языка является порождением двух важных факторов: внутреннего (ум говорящего) и внешнего (культура, общая с другими говорящими на этом же языке): «В структурах представления знаний аккумулируются национально-культурные коды, составляющие когнитивную основу языка» [Пименова 2006: 17].

Когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, участвующий в кодировании информации. Люди мыслят концептами — кодируемыми единицами это-

го кода и составляющими базу универсального предметного кода (Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов): «Язык — это средство передачи мысли и как таковой выступает главным образом в виде своеобразной „упаковки“. Однако знания, используемые при его декодировании, отнюдь не ограничиваются знаниями о языке. В их число входят также знания о мире, социальном контексте высказываний, умение извлекать хранящуюся в памяти информацию, планировать и управлять дискурсом и многое другое. При этом ни один из типов знания не является более важным для процесса понимания, ни одному из них не отдается явное предпочтение» [Герасимов, Петров 1988: 6]. Как указывает В. Н. Телия, культура — «это та часть картины мира, которая отображает самосознание человека, исторически видоизменяющееся в процессах личностной или групповой рефлексии над ценностно значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека. Из этого следует, что культура — это особый тип знания, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека в процессах его жизненных практик» [Телия 1996: 18].

Культура — это общепризнанная знаковая система. Сейчас культуру исследуют в семиологическом аспекте. Знаки для воплощения своих смыслов культура заимствует из природы, артефактов, окружающего и внутреннего мира человека [Гудков, Ковшова 2007: 7—9]. Организованные определенным образом, эти знаки образуют сущности более высокого порядка, получившие в рамках Тартуско-Московской семиотической школы название вторичных моделирующих систем. Содержание культуры представлено различными областями: это нравы и обычаи, язык и письменность, одежда, поселения, работа (труд), воспитание, экономика, армия, общественно-политическое устройство, закон, наука, техника, искусство, религия, проявления духовного развития народа. Все эти области в языке реализуются в виде системы кодов культуры.

Культурные коды — вторичные знаковые системы, использующие разнородные средства для кодирования картины мира. М. В. Пименова пишет: «Код культуры — это макро-система характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это часть понятийной сетки, используя которую носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры. При переносе характеристик из одного кода в другой в языке возникает метафора или метонимия. Код культуры — это таксономия элементов

картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления)» [Пименова 2006: 41].

Необходимо упомянуть замечание Р. Барта о характере соотношенности знаков культуры с общим культурным фоном, который он называет «книгой жизни», «книгой культуры», фоном «жизни как культуры» (У. Эко называет это кругозором получателя информационного сообщения [Эко 2004: 95]. Соответственно код — это система ожиданий [Там же: 96]).

Культурный код — это система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках [Гудков, Ковшова 2007: 7—9]. Р. Барт указывает, что культурные коды «суть не что иное, как цитации — извлечения из какой-либо области знания или человеческой мудрости» [Барт 2001: 45]. (Необходимо напомнить, что Р. Барт выделял пять кодов, которые подлежат прочтению при анализе произведения как такового и соответствующего ему Текста, понимаемого как совокупность культурных смыслов. В интерпретации Р. Барта существуют герменевтический, проайретический, или нарративный, референциальный, или культурный, символический и коннотативный, или семный, коды [Там же: 44].) Р. Барт предупреждает: то, что он называет кодом, есть «не реестр и не парадигма, которую следует реконструировать любой ценой; код — это перспектива цитации, мираж, сотканный из структур; он откуда-то возникает и куда-то исчезает — вот все, что о нем известно; порождаемые им единицы (как раз и подлежащие анализу) сами суть не что иное, как текстовые выходы <...>; все это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито; код и есть след этого уже» [Там же: 45]. Такой подход к определению термина «код культуры» полезен для исследования как в области лингвокультуры-рологии, так и в области политической лингвистики. В данной интерпретации код культуры смыкается с явлениями интертекстуальности, гипертекста, стереотипов и архетипов.

Особенностью текстовых сообщений является то, что они содержат в себе коды различных уровней. Культурные коды создают ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре.

Коды культуры проявляются в процессах категоризации мира. Сами категории фор-

мируются в нашем сознании в соответствии с конкретными требованиями окружения, среды, «при этом любой язык адекватно обслуживает свою культуру, предоставляя в распоряжение говорящих средства для выражения культурно значимых понятий и отношений» [Фрумкина 2001: 87]. Лингвисты подчеркивают матричную природу кодирования. Р. Барт уподобляет коды ячеистой сети, при забрасывании которой в текст можно вскрывать информацию разных уровней кодирования [Барт 2001: 20]. В рамках данной логики вполне понятным становится определение культурных кодов В. В. Красных: «...код культуры есть „сетка“, которую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных 2003: 297]. Таким образом, код культуры содержит информацию о ценностях лингвокультурного сообщества, основных концептуальных системах внутри общего кода культуры, которые соответствуют категориям, их положению по отношению друг к другу и к окружающей действительности в целом.

Большое распространение получил перечень культурных кодов, предложенный В. В. Красных, которая выделяет соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды и добавляет, что таких кодов «не может быть много» [Там же: 298]. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова предлагают другую классификацию культурных кодов, выделяя вербальный, акциональный и реальный коды культуры. Отдавая приоритет вербальному, исследователи сосредоточивают свое внимание на реальном коде культуры, который, по их мнению, включает в себя природно-ландшафтный (лес, море, горы, вода, песок и др.), архитектурно-домообустроительный (дверь, порог, крыша и т. д.), вещный (нож, рубаха, нитка, карман и т. д.), а также зооморфный, в какой-то степени соматический и ряд других кодов [Гудков, Ковшова 2007: 28—29]. Указанные подходы дополняют друг друга, обобщают результаты культурного кодирования и выводят информацию о кодах во внешний для исследователя план.

В то же время предложенные классификации выполнены в разных системах координат. Культурное кодирование в концепции В. В. Красных базируется на социально значимых и освоенных сферах существования человеческого духа, а система вербального, акционального и реального кодов культуры предполагает наличие глобальных сфер проявления кодирования, т. е. кодирующих систем, элементы которых сами служат единицами кодирования. З. З. Чанышева пред-

лагают обобщающее определение кода культуры как (1) внутренне связанной системы носителей культурно-ценностной информации и установок, которая (2) формируется в пределах языков культуры в результате культурного соглашения и (3) выражает глубинное смысловое поле культуры [Иванова, Чанышева 2010: 282].

В когнитивной лингвистике при изучении языковых категорий исследователей интересуют конкретные принципы выделения категорий, их таксономия и установление иерархии, которые обусловлены языковой категоризацией. Дж. Лакофф выдвинул гипотезу о том, что категории формируются когнитивными структурами, получившими название идеализированных когнитивных моделей (*idealized cognitive models*), под которыми понимаются особые когнитивные сущности, лежащие в основе языковых категорий. Дж. Лакофф выделяет четыре их типа: 1) пропозициональные модели, определяющие характер элементов категории, их свойства и отношения между ними; 2) образ-схематические модели, отражающие основные образные представления, формирующие категориальные классы; 3) метафорические модели, позволяющие представить некоторую абстрактную область посредством отождествления ее с другой областью, обычно конкретной и доступной эмпирическому изучению; 4) метонимические модели, действующие совместно с тремя первыми типами идеализированных когнитивных моделей и обеспечивающие перенос характеристик одного элемента множества на всё множество [Lakoff 1987].

В когнитивной лингвистике сохраняется интерес к метафоре, причем проявляется повышенный интерес к метафоре концептуальной, что объясняется стремлением к объяснению основ мышления, процесса освоения мира, связи концепта с его реализацией в языке.

Особое внимание уделяется универсальным (свойственным большинству языков) моделям метафор. Приоритетными моделями метафор для носителей разных языков являются пространственная (ориентационная), временная и культурная. По мнению М. В. Пименовой, «самой обширной по видам и их разнообразию является культурная модель метафор. В языке отобразилось свойство мышления человека, живущего в природной и социальной среде, переносить на физический мир и свой внутренний мир и его объекты антропоморфные, биоморфные и предметные характеристики. Способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие

признаки, находится в основе существующих в каждой культуре системе культурных кодов, среди которых природный (стихийный и вещественный), растительный (вегетативный, фитоморфный), зооморфный (анимальный, териоморфный), перцептивный, соматический, антропоморфный, предметный, пищевой, метеорологический, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный (божественный), галантерейный, игровой, математический, медицинский, музыкальный, этнографический, экологический, экономический. Растительный, зооморфный и антропоморфный коды иногда объединяют под общим названием биоморфного (натуралистического) кода. Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления (в том числе внутреннего мира). Устанавливая параллелизм объектов физической (реальной) и виртуальной (иллюзорной) действительности, мифологическое сознание основывается на гносеологических операциях сравнения и отождествления» [Пименова 2006: 46].

Большое разнообразие культурных кодов и отсутствие их конечного перечня было предугадано Ю. М. Лотманом, который в работах по проблематике культурного кодирования и функционирования культурной семиосферы указывал, что «во всякую живую культуру „встроен“ механизм умножения ее языков» [Лотман 1999: 164].

Дискурс СМИ характеризуется использованием разнородных, разносистемных культурных кодов. Каждый из них имеет свои особенности. Дискурс СМИ функционирует как сложная многоуровневая разнопорядковая семиотическая система.

Современные лингвистические исследования проявляют повышенный интерес к реконструкции политических концептов посредством анализа определенных способов и средств их репрезентации в языке, одним из которых является концептуальная метафора. Рассмотрим употребляющиеся в русскоязычном казахстанском дискурсе СМИ для описания конечной сферы «Казахстан» концептуальные метафоры из разных исходных сфер — «Оценка», «Пространство», «Время».

Актуальность такого исследования заключается в возросшем интересе со стороны ученых к проблемам концептуализации социальной действительности в языке и в первую очередь в языке политики. Изучение метафоры в качестве одного из главных способов упорядочивания знаний о сфере общественных отношений на материале ка-

захстанского политического дискурса является одним из приоритетных направлений современных концептуальных исследований в рамках когнитивной лингвистики.

Методология исследования сложилась под воздействием работ ведущих российских (Н. Н. Болдырева, В. И. Карасика, В. В. Колесова, Е. С. Кубряковой, В. А. Масловой, М. В. Пименовой, В. Н. Телия) и зарубежных (А. Вежбицкой, Х. Бальдауф, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Ф. Н. Джонсон-Лэрда, З. Кёвечеша) когнитологов, в том числе и занимающихся изучением концептуальной метафоры в политическом тексте и текстах СМИ (Ф. Риготти, К. Шефнер, О. Экеля, А. Н. Баранова, О. А. Гришиной, Д. О. Добровольского, О. А. Куданкиной, О. Г. Орловой, А. Б. Ряпосова, Н. А. Санцевич, Ю. Н. Точилиной, А. П. Чудинова, О. А. Шаовой).

Во второй половине XX в. появилась новая трактовка феномена метафоры, связанная с когнитивным направлением в исследовании языковых единиц. В аспекте когнитивного подхода анализируются концептуальные метафоры. Они так называются из-за того, что существуют одновременно в двух концептуальных сферах — сфере-источнике и сфере-мишени. Если связь между двумя сферами сопряжена с метафорическим переосмыслением, тогда реализуется метафорическая модель, под которой в настоящей работе, в соответствии с определением А. П. Чудинова, понимается «существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: 'X — это Y'» [Чудинов 2003: 64].

Концепт *Казахстан* вербализуется в текстах печатных СМИ с помощью таких репрезентантов, как *Казахстан, Республика Казахстан (РК), Астана, республика, страна, государство, Великая степь, казахский, казахстанский, казахстанец* (это далеко не полный список возможных актуализаторов исследуемого концепта).

Категориальные признаки концепта *Казахстан* разнородны. Для актуализации различных характеристик Казахстана используются признаки, относящиеся к категориям оценки, времени и пространства.

Страна в целом характеризуется признаками бенефактивной и утилитарной оценки: *Но существенным вопросом является то, насколько эффективно наши граждане используют плоды стабильности и благополучия* (Казахстанская Правда.10.07.2012), — а также нормативной оценки: *Стандарты жизни казахстанцев неуклонно повышаются* (Казахстанская Правда.10.07.2012).

В русскоязычных СМИ Казахстана исследуемый концепт объективируется через категориальные признаки времени. У Казахстана есть прошлое, настоящее и будущее. Время — это движение по вектору от прошлого к будущему. При этом будущее — впереди живущих,двигающихся по этому вектору: *Но еще больше свершений ожидает всех нас впереди* (Литер. 12.12.2012).

Прошлое страны делится на историческое прошлое — далекое и недавнее. Недавнее прошлое — это время, отсчитываемое от начала суверенитета государства: *Очевидный факт: в том, что за сравнительно небольшой период своего суверенитета Республика Казахстан добилась выдающихся успехов в политической, экономической, культурной отраслях развития, есть немалая заслуга молодежи — любознательной, целеустремленной, напористой* (Литер. 12.12.2012). Настоящее страны — это ее достижения, цели, которые стали реальностью: *Многого уже удалось достичь* (Литер. 12.12.2012). Будущее страны воспринимается как светлый период в ее жизни: *Молодые казахстанцы искренне верят в светлое будущее нашего государства!* (Литер. 12.12.12), как открытая перспектива: *Перед страной открыты новые перспективы* (Казахстанская Правда. 10.07.2012), как здание, которое воздвигнет молодежь страны: *И разве могло быть по-другому, ведь будущее государства предстоит созидать молодым* (Астана. 11.12.2012), как успех страны: *Именно по этой причине молодежи так необходимо осознавать всю полноту своей ответственности за казахстанский народ и успешное будущее нашей страны* (Астана. 11.12.2012).

Пространственные признаки Казахстана весьма убедительно показывают восприятие столицы как места встречи для общего диалога с общественно-политическими лидерами мира (*Однако, несмотря на суровый климат, Астана стала глобальной диалоговой площадкой, на которой проходят всемирно известные форумы, собирающие под сводом казахского шанырака лидеров ведущих государств мира и известных общественно-политических деятелей.* — Казахстанская Правда.10.07.2012), места для дискуссий и выработки решений (*Казахстанская модель толерантности стала своеобразным брендом в современном мире, а Астана — общепризнанной глобальной дискуссионной площадкой.* — Казахстанская Правда.10.07.2012), установления духовных и экономических контактов с дру-

гими странами и регионами (*Наряду с духовной сферой на астанинской диалоговой площадке проводится известный на весь мир Астанинский экономический форум, проведение которого по традиции привлекает внимание ведущих экономистов, банкиров и экспертов всего мира.* — Литер. 12.12.2012), экспериментальной площадки для архитекторов и места паломничества всех жителей страны (*Превратившись в экспериментальную площадку, на которой стали создавать свои творения известные на весь мир архитекторы, Астана стала местом паломничества казахстанцев, приезжающих со всех областей Казахстана.* — Казахстанская Правда. 10.07.2012), плацдарма благополучия (*Надо признать, казахстанская молодежь всегда была в авангарде всех общественных преобразований, являлась плацдармом благополучия республики.* — Литер. 12.12.12).

Принадлежность к уровню дискурса определяется тем, что метафора является продуктом того общества, в котором она была порождена. Поэтому метафора всегда несет на себе отпечаток культуры, истории, традиций и опыта того общества, в языковом и культурном пространстве которого она находится. Именно поэтому для расшифровки некоторых политических метафор нужно обладать набором фоновых знаний о ситуации в данной стране, знать политических деятелей и партии, историю и культуру страны в целом; ср.: *Фестиваль искусств ... проходил по трем номинациям: кобыз, духовые и смычковые инструменты. Его основная цель — сохранить музыкальное наследие Коркыта как общее достояние тюркоязычных народов. Мы хотим развивать традиционные школы кобыза в нашей стране, выявлять талантливую молодежь и давать ей возможность совершенствовать свое мастерство* (Астана. 11.12.12).

В казахстанском дискурсе СМИ концептуальная метафора выполняет различные функции, но ведущей является когнитивная, т. е. функция переработки и упорядочивания информации.

Рассматривая систему ведущих ценностей и символов, коллективных представлений (национальных стереотипов) различных наций, мы можем увидеть со стороны целостный образ «другой» или «своей» страны. Национальные стереотипы выступают в роли своего рода «понятийных орудий», отражающих прошлый опыт общества, и способствуют увековечению этого опыта в силу схематичности, устойчивости, консервативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р. S/Z.* — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
2. *Герасимов В. И., Петров В. В.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1988. Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. С. 5—11.
3. *Гудков Д. Б., Ковшова М. Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. — М. : Гнозис, 2007.
4. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972.
5. *Иванова С. В., Чанышева З. З.* Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2010.
6. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М. : Гнозис, 2003.
7. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М. : Языки русской культуры, 1999.
8. *Петров И. Г.* Субъект и его характеристики в научной парадигме и аксиологии // Человек как субъект культуры. — М. : Наука, 2002. С. 112—130.
9. *Пименова М. В.* Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе // Ментальность и язык : коллективная моногр. / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово : КемГУ, 2006. С. 16—61. (Сер. «Концептуальные исследования» ; вып. 7).
10. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Языки русской культуры, 1996.
11. *Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. — М. : Эдиториал УРСС, 1994.
12. *Фрумкина Р. М.* Психоллингвистика. — М. : Academia, 2001.
13. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). — Екатеринбург, 2003.
14. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб. : Symposium, 2004.
15. *Eliade M.* Le sacré et le profane. — Paris : Gallimard, 1979.
16. *Lakoff J.* Women, Fire and Dangerous Things. What categories reveal about the mind. — Chicago ; London : The Univ. of Chicago Pr., 1987.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. В. Пименова